

ВЯЧЕСЛАВ КИЛЕСА

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА «СИД»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Бывают книги, которым не везёт, – и «Сид» принадлежит к их числу. Написанный холодной зимой и не очень тёплой весной 1975 года в маленьком крымском городке Белогорске, где я, начитавшись Генри Торо, работал ночным матросом-спасателем на Тайганском водохранилище, он был на грани уничтожения сразу после создания, когда я получил известие из Одессы – от Юли Савченко – об аресте Вячеслава Игрунова, бывшего у меня недавно в гостях, и стоял, с бессильным ужасом глядя на разложенные на кровати опечатанные страницы, понимая, что за мной вот-вот должны прийти, и каждый из этих листиков станет моим показанием, достаточным для заведения на сидовцев уголовного дела: за создание организации, отрицающей социализм в СССР, идеологию КПСС, и ориентированную на изменение – научным путём – существовавших социальных отношений. Это были минуты, от которых седеешь. Страсть к печатному слову оказалась сильнее страха перед тюрьмой и я, успокоив себя мгновенно написанным вступлением – о нелегально-политиканском извращении событий и полубредовом предисловии, решив в случае ареста выдавать «Сид» за шалости моей фантазии, – ограничился сожжением писем и документов и изрезанными страницами своих дневников, а также переездом из Крыма в Подмоскovie.

Тираж «Сида» – позже получившего у нас название «Большой Сид», – составлял два экземпляра, собственноручно мной спитых и склеенных. Первый его экземпляр в 1977 году Михаил Яковлевич Гефтер попытался через кого-то из посетивших СССР иностранных учёных передать для публикации за рубеж, однако «Сид» был перехвачен Ленинградской таможней и, скорее всего, уничтожен. Тогда Михаил Яковлевич предложил мне создать «Малый Сид» – журналистский вариант «Большого Сида», – собираясь опубликовать его в каком-нибудь из нелегальных самиздатских журналов.

На той же печатной машинке тем же тиражом в 1978-1979 годах в городе Киржач Владимирской области – путем уменьшения научной части и значительных литературных дополнений и уточнений, а также введения в текст дневника Кости Ильницкого – был создан «Малый Сид», судьба которого оказалась ещё более печальна, чем у «Большого Сида». Зимой 1979 года была арестована в Москве редакция нелегального журнала «Поиски», одним из редакторов которого был Глеб Павловский: в числе изъятой у него литературы, естественно, значился экземпляр «Малого Сида». Оставшиеся экземпляры Большого и Малого Сида вместе с дневниками и другими записями (а также хранившимися у меня бумагами Глеба) я уложил в специально купленный для этой цели чемодан (оказавшийся доверху заполненный) и передал на хранение моей приятельнице москвичке Рае Нургазиевой, после чего уволился с работы и ринулся обратно в Крым. Только в 1983 году этот чемодан вернулся ко мне в Белогорск, однако и здесь какой-то период (в частности, после моих допросов в связи с арестом Бориса Черных) ему пришлось путешествовать по домам моих Белогорских знакомых.

В 1987 году «Малый Сид» был привезён в Москву и передан Глебу Павловскому, работавшему заместителем главного редактора журнала «Век XX и мир», пообещавшему его опубликовать. Ещё один экземпляр «Малого Сида» в несколько потрепанном и неполном виде хранился у Оли Ильницкой: она выпросила его у следователя Московской городской прокуратуры Бурцева, в чьём производстве находилось дело по журналу «Поиски».

В 1993 году, поняв, что совершивший к этому времени свой знаменитый «побег из биографии» Глеб ничего публиковать не собирается, я с трудом забираю «Малый Сид». Хлопоты мои оказались напрасными, потому что в Белогорске «Малый Сид» исчезает навсегда. И сделать окончательный и полный вариант Сида, как я мечтал последние годы, оказалось невозможным, поскольку значительной части материалов – в том числе дневника Кости, – у меня не сохранилось. И только сейчас, с помощью предоставленных Олей Ильницкой остатков «Малого Сида», я, переосмысливая и дополняя прошлое, включая – с помощью своих дневников – других действующих лиц, попытался создать не столько повествование об организации, сколько историю замкнутого тогдашней Одессой времени и пространства.

К невезению «Сиды» можно отнести и тот факт, что его появление потеряло актуальность и более важно для автора, чем для современников. Затих стук колёс поезда девятых годов и ветер двадцать первого века, сметая с перрона мусор, оставшийся после уехавших пассажиров, наверняка заинтересуется странной летописью, надежда на публикации которой согревала мою душу морозными ночами жизни.

Без прошлого нет настоящего – и всё же смысл этого произведения, более понятный вымирающим поколениям рождённых в СССР, направлен в будущее. Колесо истории вертится даже тогда, когда от него отворачиваются, и проблемы, поднятые Сидом, – являющиеся по сути наследством предыдущих эпох – ещё станут сегодняшним днём двадцать второго века.

Вячеслав КИЛЕСА
30.06.2008 года,
Симферополь.

«Нулевой вагон. Разные судьбы, разные люди. Знакомства возникают здесь также легко и просто, как и разрываются при выходе из вагона. Человека узнаёшь по мелочам, и нигде нельзя сделать это лучше, как в дороге. Разные люди, разные судьбы. Одна дорога». (Записи).

«Мне везёт в дороге на интересные встречи. В поезде, лежа на третьей полке (предназначенной для чемоданов и вещей: в Джанкое в поезд села девушка с билетом на то же место, что и у меня), познакомился с девушкой по имени Тамара. Разговаривали с ней около трёх часов, точнее, говорил я. Вагон стоял на запасном пути, ночь дышала жарой и тишиной, лишь изредка нарушаемой храпом соседей, а я развивал свои взгляды на жизнь, отдавая ещё одному человеку часть своей души. Она сказала, что я благородный, так как уступил ей своё место, и что лицо у меня одухотворённое (ей это показалось с первого взгляда), поэтому я должен любить математику и писать стихи. Я ответил утвердительно на первое и, конечно же, горячо отрицал второе... По приезде в Одессу доволоч её чемодан до камеры хранения и попрощался... Когда я уходил, она сказала мне: „Я запомню Вас и Ваши принципы!“ Меня поразил тон, каким были сказаны эти слова, но я кивнул головой, поднял свой чемодан и ушёл не оглядываясь.

Ум способен приносить человеку не только большую радость, но и сильное горе. Мне иногда кажется, что я хожу по пограничной полосе, отделяющей разум от безумия. Какой-нибудь толчок, потрясение – и я уже там, в небытие. Дико, не правда ли?!». (Дневник, 30 августа 1969 года).

(...)

«Вчера я шёл ночью по главной улице Благоево, идти было тяжело и скучно, и я вспоминал те далёкие вечера, когда мы втроем отмахивали без усталости многие километры. Слава Килеса, Тома Срывкова, Коля Лазарев – триумvirат. Вышла замуж «Томику», есть девушка у Коли, один я брожу как неприкаянный по этому скучному миру...». (Дневник, 13 сентября 1969 года).

«Вначале выдумывают идеал, потом превращают его в идола... Люди, которые боролись против жрецов идола, после победы оказываются его служителями, и тогда выясняется, что они боролись не „против“, а „за“: не против поклонения мифу, а за поклонение себе». (Записи).

«Не могу понять, почему я так часто судил людей, говоря им правду прямо в лицо, и они никогда не спрашивали, имею ли я право быть судьёй». (Дневник, 15 сентября 1969 года).

«В детстве мир книги гораздо более осязаем и чувствителен, чем реальная жизнь. Последняя воспринимается как ступенька к первой: нужно только поскорее миновать детство и стать взрослым. И каждый уверен, что во взрослом состоянии обязательно станет героем какого-нибудь романа... Смешные взрослые! У них там много возможностей жить по-настоящему, и они так плохо используют эти возможности!». (Записи).

«Ходил в аптеку, пришёл мокрый и грязный. Вспоминал о вчерашнем вечере, проведённом у Володи Княжанского, который пригласил меня на свои именины. Выпито было мало, зато много танцевали и говорили, и в целом это была обычная пьяньенькая вечеринка». (Дневник, 18 сентября 1969 года).

«Праздник: когда всё относительно, когда мы не знаем и не желаем знать, куда несёт нас вихрь событий, когда купец швыряется деньгами, а строгий чиновник отечески улыбается вчера дрожащим перед ним подчинённым». (Записи).

«Получил письмо от мамы. Она всё ещё уверена, что я безнадежно в кого-то влюблён, поэтому такой мрачный и т.п. Мама не знает, что есть вещи посильнее любви, а именно: скука, сознание своей бесполезности в жизни...». (Дневник, 21 сентября 1969 года).

«Человека нельзя вмести́ть в правила, какими бы положительными они не были». (Записи).

«„Ветер, ветер на всем белом свете...“ Коротко мигает электролампочка, доказывая бессилие благоевских связистов перед разбушевавшейся стихией. Стоя на пригорке в хозяйском винограднике, я был свидетелем интересного зрелища: смерча из пыли, окутавшего село серой пеленой, сквозь которую еле-еле виднелись белые домики и зелёные деревья...»

В селе люди тупеют, делаются равнодушными ко всему, кроме собственного желудка: огрубевают не только руки, но и чувства, разум...

Мой однокурсник Юра Коновалов как-то заметил, что наши шестидесятые годы напоминают по обстановке 30-40 годы 19 века... Штампы николаевского самодержавия отрицали человеческое в человеке, отрицали дух свободы и мысли – то же самое наблюдается и сейчас, когда человека пытаются втиснуть в ту ячейку, которую отвела ему КПСС. В истории многое повторяется, и очень может быть, что новые толпы „лишних людей“ пойдут бродить по нехоженным тропам Союза, цивилизуя голубую тайгу и снежную Чукотку лопатой и динамитом, – как их далёкие предки, искавшие „свое предназначение“ на дилом Кавказе». (*Дневник, запись от 28 сентября 1969 года*).

«Я изменился. Я уже не действующее лицо всех общественных смотрин, а просто зритель, притом не из лучших». (*Дневник, 30 сентября 1969 года*).

ВРЕМЯ, ДОРОГА...

Всё безразличней мне рассветы...

Зачем-то вертится Земля.

И я, изрушка в волнах света.

Плыву куда-то. Но куда?

Стучат часы, напоминая,

О незаконченных делах.

Уходят годы второпях,

Минут бесплодных не прощая.

Судьба неласковой рукой

Мне счастье взвешивает строго...

Свой путь ищу, борясь с волной:

Хоть жизнь одна – дорог в ней много!

«Утро сегодня было чудесное: лёгкое, свежее, и когда я шёл на работу, то почему-то вспомнил село Митрофановку... По дороге наткнулся на дерево, похожее на акацию, но с длинными лентами семян. Сорвав несколько лент, разломал одну из них и поднёс к носу. Станный душистый запах напомнил митрофановский лесок, зелёную поляну, окутанную паутиной солнечных лучей, и меня, шестилетнего мальчугана, рассматривающего такие же ленты... Удивительная штука память.

Прочитал Шарля Бодлера „Стихотворения в прозе“. Очень талантливо и хорошо пишется, прямо-таки кровью своего сердца». (*Дневник, 2 октября 1969 года*).

«Ещё один вечер... Он уже на исходе. Выключишь свет, завернешься в одеяло – и вот уже утро, новый день, новый вечер.

Как быстро летит время! Об этом вспоминаешь, только глубоко задумавшись, а так живёшь в суете, повинясь обстоятельствам, и даже торопишься прожить какой-то срок, чтобы узнать развязку... Все верят, что впереди их ожидает только хорошее, вот только скорей бы закончился затянувшийся акт спектакля, второй наверняка будет интереснее, – и в этой вечной гонке забываешь о настоящей развязке – смерти.

„Что о мёртвых жалеть нам?

Мне мёртвых нисколько не жаль.

Пожалейте меня:

Мне ещё предстоит умереть!“ – писал Михаил Светлов. Он давно мёртв, а слова эти остались, и я повторяю их с не меньшим чувством, чем через полсотни лет будет говорить житель 21 века, никогда не узнающий о моём существовании». (*Дневник, 4 октября 1969 года*).

«В РСУ меня называли „пацаном“. С тех пор прошло три года, и вот сегодня Тома Днордиева сказала мне, что я „сосунок“, и что таких противных людей, как я – „критиканов“ – она ещё не встречала. Вот так-то, товарищ Слава! А вы чего-то хотели, писали о комсомольском долге, пытались внушить всему курсу идеалы своей юности, почерпнутые из книжек, не замечая за спиной насмешливых улыбок и иронического подмигивания...

Изучаю строение материи. Удивительно, что всё вокруг состоит только из трёх частиц – протона, нейтрона и электрона, находящихся на различных ступенях квантовой лестницы.

Между людьми должны быть границы и даже нейтральная зона. Я об этом забываю и часто нарываюсь на неожиданности». (*Дневник, 5 октября 1969 года*).

«Не могу отвыкнуть от чисто русской привычки привязываться к человеку, некоторое время разделявшему твои заботы. Или ещё одна склонность: говорить много лишнего». (*Дневник, 7 октября 1969 года*).

«Последний вечер в Благоево. Вряд ли на моём пути вновь появится это село, вписавшее в мою жизнь столько событий: как на 1-ом, так и на 3-ем курсах». (*Дневник, 8 октября 1969 года*).

«Вот и Одесса. Я приехал сюда вчера вечером, дорога была утомительная и скучная.

Сегодня очень хороший день, или он кажется таким, потому что впервые вижу Одессу сквозь призму очков. Наконец-то я их надел, и это одна из самых больших побед над самим собой.

Фильм „Каждый вечер в одиннадцать“ просто великолепен. В нём есть нечто гриновское, есть мечта и надежда: возможно, поэтому он так меня тронул». (*Дневник, 10 октября 1969 года*).

«Лежу на кровати в пустой комнате. Устало гулят ноги, думается с трудом, точнее – с ленью, а в голове медленно плывёт мелодия из кинофильма „Каждый вечер в одиннадцать“. Я посмотрел его ещё раз: во-первых, сегодня воскресенье и мне хотелось иметь праздничное настроение, во-вторых, меня потянуло на него, – я чувствовал, что если не поддамся этому магниту, то потом долго буду жалеть.

Вчера вечером начал набросок рассказа. Не ладится композиция, ощущается недостаток опыта». (*Дневник, 12 октября 1969 года*).

«Желающего судьба ведёт, не желающего – тащит», – писал Сенека. Неодолимую потребность писать я заглушал разговорами, зубрёжкой, интригами комсомольской оппозиции. Моими учителями стали книги классиков литературы, но они могли объяснить только главное, до мелочей приходилось докапываться самому.

«Начались занятия. Я сижу уже не в нижних рядах, а наверху. На скучных лекциях читаю и ничего: совесть не мучает.

Коля Лазарев первый заговорил со мной в дружеском тоне, я ответил и на прощанье мы пожали друг другу руку. Полтора месяца не разговаривали. Наверное, кое в чём тогда был виноват и я...». (*Дневник, 14 октября 1969 года*).

«Видно, не уйти мне всё-таки от борьбы. Назревают новые события: Богацкого собираются сделать партгором, а Галебу – комсоргом факультета. Нужно будет снова драться, причём на стороне Орлова Викник, а значит, и партбюро. Нелегко...». (*Дневник, 16 октября 1969 года*).

«Ведётся подготовка к факультетскому собранию. Готовится Орлов, готовимся и мы...». (*Дневник, 23 октября 1969 года*).

«Бой будет завтра. Сегодня состоялось последнее, репаяющее собрание, на котором я по-прежнему был в роли спикера. Завтра утром должна быть вывешена газета, и завтра должно быть факультетское собрание, которое решит всё. За нас 1-ый курс, так же как и остальные. Но всё предсказать трудно, и поэтому „быть или не быть!“». (*Дневник, 26 октября 1969 года*).

Я умел общаться: и сейчас я разговаривал с неформальными лидерами курсов, привлекая их на свою сторону. От второго курса присутствовал Саша Павлов и Гена Тощев, от четвёртого курса – Володя Ковбасюк и Андрей Добролюбский, от первого курса – староста и комсорг. Им, как и мне, не хотелось выступать в роли «комсомольских членов», послушно голосующих за кандидатуры, представленные Ор-вым.

Чем-то эти встречи напоминали народовольческие сходки. Я говорил, охваченный восторгом и эйфорией, захватывая мысли слушателей своей убеждёностью. Это было собрание единомышленников: с шутками, интересными и не очень идеями, разработкой сценария, подготовкой газеты.

«Рано утром я и Коля поехали на факультет и вывесили там газету. Она произвела фурор. А потом началось собрание. Такого на моём веку ещё не было. Орлов не знал, что делать, на него было смешно и жалко смотреть. До середины собрание шло под нашим руководством, потом заколебался первый курс, начал колебаться я и т.д. Провалил своё выступление Володя Богацкий. Неожиданно в бюро прошёл я, хотя мне это совершенно ни к чему, а теперь выходит, что разговор о комсорге должен решаться между мной и Глебовым. Только что имел беседу с Жеребчук (она должна была быть в бюро по списку Орлова), смотревшей на меня ненавидящими глазами». (*Дневник, 27 октября 1969 года*).

Для голосования за кандидатуры членов бюро комсомола факультета было предложено два списка: официальный и наш. Необходимо отметить мужество и решительность Гены Тощева, который, выйдя на трибуну, добился того, чтобы наш список – как ни увёртывался Орлов, – был поставлен на голосование. Полностью поставленной цели мы не добились по моей вине: я не вышел на трибуну для отвода кандидатуры Вити Глебова, после чего первый курс, голосовавший, глядя на меня, начал поддерживать Орлова. Отсутствие мужества стало той причиной, по которой я, обладавший многими качествами лидера, так и не стал значимой фигурой в политике.

«Сегодня было бюро. В самом его начале попробовали поднять вопрос о Тощеве, который проходил в бюро по количеству голосов вместо Проценко. Но Орлов и Викник (секретарь партбюро факультета) это дело замяли. Я не настаивал, тем более что Тощев сам отказывался от этого членства. Комсоргом стал Глебов, против чего я деятельно возражал, получив от Викника замечание, что высказываю „политически незрелые мысли“. Потом были распределены портфели. Павлов стал оргсектором, Шалиенкова – политсектором, я – ответственным за печать». (*Дневник, 28 октября 1969 года*).

«Наверное, нужно написать, как мы готовились к факультетскому собранию. Об этом ходят сейчас самые противоречивые слухи, говорят о заговоре, о смутьянах, но толком мало кто что знает.

23 октября в комнате у Некрасова встретились я, Богацкий, Лазарев, Курбанов, позже пришла Смольянинова. Говорили долго, наметили план атаки: в первую очередь с помощью своего списка захватить президиум, потом дать отводы орловцам и выдвинуть свои кандидатуры. Решили пока повести агитацию на всех курсах.

25 октября было новое собрание – у Курбанова. Состав наш расширился, пришли со второго и четвёртого курсов. Я рассказал о нашем плане, кое-что уточнили и решили встретиться завтра, у Любы Озернюк, а пока налечь на агитацию.

Последнее собрание было количественно очень большим, и самое ценное, что на него мы пригласили первокурсников: их старосту, Свету, и ещё одну девушку, которые согласились нас поддерживать. В тот же вечер мы выпустили газету с моей статьёй, и рано утром повесили её в нашей аудитории. Её читал весь факультет. На собрании все были взбудоражены, и если бы не напористость комсорга университета Тимы Ткаченко, победа была бы полной». (*Дневник, 2 ноября 1969 года*).

В БУДУЩЕЕ

Вечность, святая вечность:

Даты в огне труда.

Будет всегда человечность,

Если есть мечта!

Жизнь дана не для славы:

«Я» куем в ваше «МЫ»,

Бытом чтобы стали

Сегодняшние мифажи!

Наши слабые руки –

И пирамида Хеопса!

Наши рожденья муки:

То, что для вас просто!

Только дерзай, потомок,

Только взрывай вечность!

Ты – больной наш ребёнок.

Мы – твоя человечность!

«Скоро праздник... Настроение похоронное. Может быть, потому, что зашёл в тупик и не вижу из него выхода? Я, воспитанный на героике гражданской и Отечественной войн, свято верящий во всё лучшее, вдруг стал оппортунистом и фракционером, нарушающим устои советской власти. Дико! А выхода нет. Всё моё воспитание толкает меня на этот путь: путь борьбы с карьеризмом, продажностью, с дубиноголовостью, т.е. на выступление против комсомольских и партийных бонз. Недавно второй курс вывесил свою газету, в которой ударил по всему. Газету сняли, редколлегия сделала „вливание“ и даже предупредила КГБ. Я знаю этих ребят: дети, тоже выступающие за всё лучшее. Вася Попков объяснил мне программу: борьба с отчуждением людей. Их планы утопичны, они хотят словом перевернуть мир. Я предпочитаю дело». (*Дневник, 6 ноября 1969 года*).

Одним из незаметных результатов истории с газетой «XX век и мир» – авторы Глеб Павловский, Вася Попков, Костя Ильницкий, – стало моё сближение с Глебом и Костей (с Васей я общался давно и даже водил его на различные развлекательные мероприятия к «филологиням») и предложение ввести их в редколлекцию возглавляемой мной факультетской газеты «Историк». Глеб предпочёл уклониться, зато фельетон Кости и стихи Васи появились в ближайшем номере «Историка».

«Всё повторяется, всё входит в привычку. Утром был занят демонстрацией солидарности с трудящимися всех стран, потом с 14 до 18 часов вместе с Колей торчал у Люды Клименко. К ней приехала сестра Надя, которую я знаю с прошлого года (очень умная для своих лет девушка) и брат Юра – скромный, хороший парень. Был там ещё народ, я всё время танцевал. Впервые чуть-чуть хлебнул водки. Потом пришли с Колей домой, а через десять минут, выйдя в коридор, натолкнулся на Богацкого, общавшегося с девушкой. Завязался разговор, в ходе которого узнал, что на нижнем этаже будет вечеринка и самым наглым образом напросился в гости (разумеется, вместе с Колей). Компания подобралась шумная и весёлая, ребят было много, девочек – мало, и когда в вестибюле организовали танцы, то пришлось ввести „хлопки“. Танцевал я снова хорошо, затем начал ухаживать сразу за двумя девчонками. Опьянев, потерял чувство меры и принялся намекать одной о своей к ней симпатии, за что был немедленно осуждён и изгнан. От второй сбежал в 11 часов вечера сам, так как не знал, чем кончить дело, поскольку мои ухаживания она воспринимала с весьма благосклонным видом.

Сегодня утром, в 4 часа уехал домой (в Николаев) Коля. Я один в комнате, солидаризируясь в своём одиночестве со столь же безутешным Витей Глебовым. Между прочим, комсорг мехмата (девушка Богацкого) – весьма умна, только немного деловитая. Зовут её Валя Прохорова, она из Симферополя. (Дневник, 8 ноября 1969 года).

«Нужно немного остыть, остановиться, оглянуться. Мчусь я последнее время, закусив удила, а куда – не вижу, не знаю. В этой гонке многое не замечаешь: иногда хорошего, иногда плохого, и слишком часто видишь только себя. Много хорошего – тоже нехорошо, а у меня последнее время так и выходит.

Познакомился с двумя интересными девушками – Валей Прохоровой, комсоргом мехмата, и Олей Гапеевой, вероятно, будущей моей коллегой по „Историке“. (Дневник, 14 ноября 1969 года).

Одесситка Ольга Сергеевна Гапеева родилась 31 июля 1951 года. Олина мама работала в городской прокуратуре, отец – в своё время реставрировавший Одесский театр Оперы и балета, – работал архитектором: он умер, когда Оля была маленькая. Старшая Олина сестра Таня оканчивала медицинский институт.

Оля занималась фехтованием (была кандидатом в мастера спорта), увлекалась литературой и общением с людьми.

«Мне верят, во мне сомневаются, меня ненавидят. При общении у меня спокойный, даже самоуверенный тон, хладнокровные движения и слова. И никто не знает, как часто я мучаюсь потом над каждым сказанным невпопад словом, как переживаю отдельные действия, никто не догадывается, как часто спорю с самим собой, нередко делая вывод о своей виновности. Я привык быть на вторых ролях, но сейчас вижу, что главного героя нашей драмы или комедии нет, кому-то нужно решиться взять все на себя. Хорошо, пусть им буду я». (Дневник, 15 ноября 1969 года).

«К числу моих недостатков относится хвастливость, болтливость, нерешительность, слабоволие и трусость. Положительные качества – относительно честен и никому не завидую в „чёрном“ смысле. Баланс не в мою пользу... Нужно научиться мало говорить и больше слушать. Стараться всегда поступать так, как тебе не хочется». (Дневник, 16 ноября 1969 года).

«Сегодня было первое заседание кружка социологии. Неожиданно меня избрали старостой». (Дневник, 20 ноября 1969 года).

«Вечером был у Павловского дома. Квартира хорошая, уютная. У Глеба отдельная комната и полстены заставлено полками с книгами. Все условия для работы... Взял две книги почитать». (Дневник, 22 ноября 1969 года).

Одессит Глеб Олегович Павловский родился 5 марта 1951 года в семье инженера-строителя. Кроме Глеба, в семье была младшая сестра Катя, учившаяся в начальных классах школы. Маму Глеба помню как замкнутого, молчаливого человека. Реальным главой семьи была бабушка Феодосия Ивановна, на чьих хлопотах и заботах держался весь дом.

«Сегодня мне исполнилось 20 лет. Странно, но этот рубеж, о котором я столько думал когда-то, не вызывает у меня сильных эмоций. Немножко грустно: может, оттого, что мало успел, многое не понял, и слишком много потерял. Ребята готовятся отметить это событие, жарят картошку, которую я почистил... Да, прочёл Анчарова „Сода-солнце“. Книга – чудо!». (Дневник, 25 ноября 1969 года).

«Прочёл „Теорию невероятности“ Анчарова и весь вечер ходил обалделый... Пора мне начинать писать что-то своё, иначе – конец. Ходил ночью по „своей“ аллее, пробовал сложить стихи и с ужасом обнаружил, что ничего не получается». (Дневник, 30 ноября 1969 года).

Расположенный неподалеку от общежития биологический факультет был окружён клумбами с цветами, деревьями и густыми, непроходимыми кустами: своеобразным парком, где я любил гулять по вечерам, считая одну из аллей «своей». Здесь хорошо думалось и мечталось, а поздней весной воздух был наполнен одурманивающим запахом цветущих растений и деревьев.

«В воскресенье был танцевальный вечер под названием „Осторожно, листопад“. Я хотел повести туда Васю Попкова, но его дома не оказалось (впрочем, позже он туда подошёл). Я веселился до упаду, плясал как бешенный. Вася даже заметил: „С отчаяньем каким-то“.

Дня на два подружился с Олей Гапеевой. Девочка умная, пишет стихи». (Дневник, 5 декабря 1969 года).

Из Олиных стихотворений:

*Рассказать, о чём молчат все?
Ровно музыка звучит.
Лёгкий свет струит светильник
Из-под гибкого крыла.
Тень усталости легла на луну.
Вдруг вздохну, обниму и не пойму –
По кому?*

*Расскажу, о чём молчат все.
Разбросавшись на бегу
Я к тебе, смеясь, вбегу
И повешу на шнурке
За твоим окном Луну.
Обниму; и вновь вздохну – по кому?
Не пойму...*

*Промолчу, о чём однажды
Каждый в своей жизни скажет.
Промолчу, если смогу,
Не вздохнув, обниму.*

«Был в гостях у Васи Попкова. Чудесные родители, шикарные комнаты. Пришла и Оля Гапеева. Оказывается, она превосходно танцует. Потом втроем ходили к морю, читали свои стихи и провожали Олю домой.

Оля Гапеева... Да, это девушка, в которую можно влюбиться. К сожалению, я всегда захожу в троллейбус, когда места заняты. Оле нравится Вася и, наверное, этот выбор по сравнению с моей особой правильный. Что ж, не будем играть роль „третьего лишнего“. Сойдём с троллейбуса: может, следующий будет пустой. А если нет?». *(Дневник, 7 декабря 1969 года).*

«Не верю, ничему не верю. Вчера решил обходить Ольгу, не попадаться ей на глаза. Все перемены просидел в аудитории. После занятий и последовавшей за ней политинформации вышел на улицу, но шёл дождь и я вернулся на факультет. Немного постоял и вновь тронулся в путь. Садясь на троллейбус № 5, увидел возле себя Ольгу. А потом я провожал её домой, она читала мне свои стихи. Это было слишком хорошо, чтобы можно было передать словами.

Только что приходил Игорь Серов, около трёх часов говорили на факультетские темы. Их комната знает, что я играл одну из главных ролей в комсомольском собрании. Дискуссии, споры... Кое в чём прав он, кое в чём правы мы. Где золотая середина?». *(Дневник, 9 декабря 1969 года).*

«Кажется, я влюбился, причём довольно основательно. Вчера после занятий мы остались с Олей в 21 аудитории, я хотел поспрашивать её по логике, но понял, что лучше этого не делать. У Оли удивительное понимание явлений. Судит обо всем без всякой логики, – но именно это качество присуще каждой одарённой личности. Некоторые её теории заставляли меня посмотреть на представительницу слабого пола с удивлением, граничащим с восхищением. Мы сидели в аудитории до пяти часов вечера, – с тем же усердием я сидел бы с ней до утра». *(Дневник, 11 декабря 1969 года).*

«Суббота, тринадцатое число. Половина десятого. Вечер. С трудом шевелится рука, выводя эти строки; в голове пусто и темно.

Вот всё и кончилось. Мне предложили сладенький леденец под именем „дружба“. А что ещё могли предложить? Оля любит Васю Попкова. Она сказала это легко и просто, и ничего не поняла, когда я с трудом мог что-либо ей ответить. Она не разобралась в моём ухаживании, приняла всё за простые товарищеские отношения. А когда сегодня ей всё стало ясно – после стиха, написанного мной в её блокноте, – она сказала: „Я давно люблю Васю“. Мы возвращались с факультета, шли с ней под руку, по дороге наткнулись на Попкова. Сейчас у него тоже бессонная ночь, и я, к сожалению, ничем не могу ему помочь...

Я пропустил сегодня семинар, и был с Олей на том мосту, на котором давно хотел побывать. Мы бродили с ней по ступеням, спускались в парк и вновь взбирались наверх...

Теперь нужно снова начинать жить. Завтра соберу свои силы, выстрою их в порядок и снова в бой. Видно, я не создан для счастья. Или его не заслужил. Во всяком случае, встретим этот удар твёрдо, по-мужски. „Неужели на белом свете для белого бычка не найдётся белой вороны?“ Неужели правда, что „никто никого не ищет, и никто никого не ждёт“?! Что ж, посмотрим. Если перестать в это верить, то зачем жить?». *(Дневник, 13 декабря 1969 года).*

ТРИНАДЦАТОЕ

*Пир кончен. Песня отзвучала.
Вновь я один, вновь всё с начала.
Любви последние угли
Я сам тушу вином тоски...
Верь: никого не обвиняю...
Да, се ля ви, я понимаю.
...Тисками давит темнота.
Только дожидаться бы утра,*

*Только бы сбросить мысли груз!
Пусть душит боль, пусть режет грузь,
И все затоплены огни:
Я поднимусь, чтоб вновь идти!*

«За последнее время произошло много событий, имевших для меня немаловажное значение. Более решительно взялся я исполнять обязанности старосты в кружке социологии и неожиданно обнаружил в нём присутствие любопытных людей, занимающихся интереснейшими темами. Люда Молдавская с вечернего факультета пишет об искусстве в палеолите, Павловский готовит какую-то подпольную работу, о которой ничего мне не говорит. На самого любопытного „фрукта“ я наткнулся вчера. Зовут его Игорь Иванников, 2 курс истфака. Я слышал от Лазарева, что Игорь занимается темой „Мелкая буржуазия“, поэтому подошёл с просьбой посвятить меня в содержание темы. Игорь согласился. После лекций мы сели на стол в коридоре второго этажа и он около часа рассказывал мне о своей теории. В том, что это была именно его теория, а не выписки из чужих книг, я не сомневался: слишком остро и противоречиво звучали его слова, слишком необычен был сам порядок изложения...

Последняя запись в дневнике датирована тем, 13 числом. Прошло около недели. Скажу честно, мне было трудно. В воскресенье я написал стихотворение, где выразил своё настроение. Ольга часто снится мне по ночам, вот и в эту ночь она твердила мне: „Вы говорите, что вы просто большой мальчик... Лучший врач – время и дела“. (*Дневник, 21 декабря 1969 года*).

Игорь Сергеевич Иванников родился в 1951 году и жил в городе Николаеве. Его отец работал главным врачом военного госпиталя, мать была домохозяйкой. У Игоря была учившаяся в школе младшая сестра Софья. В Одессе Игорь снимал квартиру у кого-то из родственников.

«После того вечера, который я никогда не забуду и где я вёл себя как эгоистичная, ошеломлённая свинья, Оля начала меня явно опасаться... Утром 14 декабря я зашёл к Васе Попкову, честно ему сказал: „Вася, мы с Олей (здесь я сделал паузу и увидел, что он немного изменился в лице) только друзья“. Вася быстро ответил: „Ну и что?“, но я повернулся и зашёл к нему в квартиру (сцена происходила на лестничном пролёте). Может быть, я сделал ещё одну глупость: решив остаться честным перед собой, не учёл Олю». (*Дневник, 24 декабря 1969 года*).

«В четверг всю большую перемену проговорил с Олей, разговор был простой, дружеский. У меня внутри что-то перегорело, я продолжаю думать о ней только по привычке. Вероятно, она видит во мне неплохой источник информации. Как-то скучно чувствовать себя книгой, пусть даже и интересной». (*Дневник, 26 декабря 1969 года*).

«Три часа дня. Проснулся недавно, прибрал в комнате и вот сижу: пишу. Почему-то, когда пытаюсь вспомнить события прошлой ночи, в памяти сразу появляется какой-то искрящийся фейерверк, из которого только постепенно вырисовываются отдельные детали.

Начался праздник в 410 комнате. Собралось 17 человек: филологини, Галеба со своей Инкой, Витёк Глебов, Юрочка Коновалов и т. д. Мне было весело. Я давно овладел нехитрой премудростью: только тот весел, кто умеет себя веселить. Я сидел рядом с филфаковкой Милой Мельник, развлекал её и себя – ко взаимному удовольствию. Пробыло 12 часов, после чего и началось настоящее веселье. Я и Мила выскочили в коридор, начали забегать в комнаты и поздравлять всех с Новым годом. Вскоре коридор заполнился студентами. Организовался хоровод, зашли „В лесу родилась ёлочка“. Потом филологини потащили меня в холл второго этажа, где гремела музыкой дискотека. Потанцевав, вернулся на свой этаж, благо к филологиям прицепились знакомые им ребята с юрфака. Наши танцевали в моей комнате. Вскоре мне здесь надоело и, захватив Аллу Новикову, начали бегать с ней по этажам, поздравляя всех с праздником. Кончилось это тем, что Алла споткнулась о ступеньку, упала и разбила ногу. Привёл её обратно в комнату и, оставив там, вместе с Людой Свистуновой, отправился на дискотеку. Там в центре круга в одеянии Снегурочки отплясывал Володя Чумак. Присоединился к нему, потом заметил Валю Попову с мехмата. Люда заметно опьянела, у неё разболелась голова, и я с Валей отвели Люду в её комнату. Дальше мы с Валей составили компанию проходимцев. Мы сидели то у нас, то у них в комнате, танцевали, бегали по гостям. Валя играла на гитаре и пела, все с интересом её слушали. Около пяти часов утра оставил уставшую Валю в её комнате и вновь спустился вниз, на дискотеку, где ещё полчаса проплясал со знакомой биологичкой. В 6 часов вернулся в свою комнату, счастливый, что гости начали расходиться.

Вот краткое описание одной ночи, переведшее меня из дня последнего в день первый». (*Дневник, 1 января 1970 года*).

«Только что перечитал свой дневник и подумал, что жить всё-таки я умел...

Любовь. Ей покорны все возрасты и все сердца, она толкает на бессмертные подвиги и нечеловеческие преступления, может светить далёкой звездой и может испепелить в жарком костре. Даже дождавшись, мы не расstaёмся с чувством ожидания: может, поэтому в мире так много разбитых семейств.

Я не скажу, что мне не повезло. Да, моя любовь ни разу не увенчалась счастливым концом, но я об этом не жалею. Каким бы счастливым не был конец, это всё-таки конец: черта, навсегда отгородившая нас от чего-то, оставшегося неизвестным. А так... Я близко узнал несколько девчонок, рассмотрев их с таких дистанций, на которые допускают не всех и не всегда. Чем глубже я узнавал их, тем более начинал понимать себя. А тот, кто понял человека в себе, всегда будет понимать его в других.

Самой удачной встречей можно назвать моё знакомство с Олей Гапеевой. В ней я увидел самого себя: наверное, поэтому и влюбился...». *(Дневник, 2 января 1970 года).*

«Утром ходил в кино на фильм „Не горюй!“ Смотрел жизнь человека конца прошлого века, который многое мог и много хотел, но не понимал, куда идти, бросался в разные стороны, изживая жизнь по мелочам, и снова шёл в никуда.

Чем-то он напоминает меня. Полчаса назад Коля Лазарев сказал, что я в этом году какой-то неприкаянный. Ответил ему, что почти все вокруг прикованы к чему-то. Это и хорошо, так как есть где спрятаться в случае непогоды, и плохо, потому что горизонт ограничен окрестностями. А я в открытом море, каждое его движение бьёт меня по нервам: я несусь, куда хочу, и делаю, что хочу. Я сразу со всеми и всегда только с самим собой...

Меня разбудил Анчаров. Ему я обязан тем, что открыл самого себя». *(Дневник, 5 января 1970 года).*

«Люда Клименко выходит замуж. Седьмого марта она расписывается. Я говорил с ней: о том, что это неправильно – отдавать свою жизнь в руки человека, с которым знакома всего полгода. Она ответила, что лучше она выйдет замуж за человека, который будет её любить и уважать, чем будет всю жизнь любить свой идеал, не обращая на неё никакого внимания... Кого она имела в виду?

Люда повторила слова „се ля ви“, и сказала, что в жизни получается не так, как хочешь, а совсем наоборот». *(Дневник, 10 января 1970 года).*

«Перечитал гриновский „Крысолов“ и решил, что написать такую вещь мог только психически ненормальный человек, т.е. гений. Не зря в древности безумцев считали „божьими людьми“: переступив границы нормального сознания, безумцы попадали в иной мир, о котором человечество узнает только урывками». *(Дневник, 14 января 1970 года).*

«Завтра экзамен: 116 билетов по три вопроса в каждом. Сдать его могу только чудом, поскольку половина билетов не тронута, половина – только прочитана. На 1-ом курсе я болел в декабре, на 2-ом – в марте, сейчас, на 3-ем курсе, болезнь взяла меня в „вилку“ в январе, т.е. посередине». *(Дневник, 16 января 1970 года).*

«Встал в половине восьмого, кое-что прочёл (как обычно, то, чего в билете не оказалось) и пошёл будить Милу Ансицину и Игоря Серова. Одежда, вышел в „белый свет“ и, втиснувшись в переполненный троллейбус, прибыл на факультет. Уже наступило 9 часов – начало экзамена, – но на факультете присутствовали только трое из однокурсников. Немного кружилась голова, начался сильный кашель. Взял билет. Преподаватель Беркович неожиданно предложил мне писать у него курсовую, я дал неопределённый ответ, в сущности, подразумевавший отказ. Он это понял и не настаивал.

Первый вопрос билета я не знал. Скользнув по нему памятью, сразу начал писать третий вопрос – процесс Тилака. Долго не мог вспомнить, в каком году он был, наконец интуитивно остановился на 1906 году. Второй вопрос оказался лёгким, быстро сделал по нему записи на бумажке, а дойдя до первого, вновь задумался. В голове было пусто, как в выпитой бутылке. Долго сидел, пытаясь что-либо из себя выжать, в итоге решил, что буду ждать ответа остальных: возможно, чьи-то слова наведут на нужную мысль.

Беркович начал недовольно посматривать на часы и говорить, что пора приступать к экзамену. Я задумался, попытался вспомнить страну, навязавшую Ирану этот капитуляционный договор 1763 года. Уставившись в одну точку, начал мысленно перелистывать прочитанные до этого страницы учебника и – о удача! – наткнулся на несколько знакомых слов. Немедленно перенёс их на бумагу, логически связал со своим ответом и пришёл к выводу, что договор был англо-иранский...

Беркович, хлопнув ладонью по столу, воскликнул: „Ну, хватит! Кто идёт?!“ Его взгляд заскользил по опускаемым вниз лицам и, как я с улыбкой и ожидал, зацепился за меня. Мы сразу поняли друг друга: он кивнул головой, я встал и сел за стол. Устроившись поудобней, равнодушным голосом попросил разрешение начать ответ со второго вопроса. По опыту я знал, что начинать всегда трудно: по нему судят об ответе в целом. Выиграв начало и середину, можно с уверенностью идти к финалу: там спрашивать будут меньше.

Получив разрешение, начал свой ответ. Он был в моей обычной манере: лёгкий, по возможности очень логичный. Главное здесь: не говорить лишних слов и строить предложения так, чтобы оставалось впечатление, что это основной вывод из множества деталей, о которых не упоминаю из-за отсутствия времени... Кое в чём я путался, но в целом ответил неплохо. Спасибо Берковичу, который не стремился, как это делают некоторые преподаватели, залезть мне в душу: видимо, понимал, что там ничего нет... Так я получила „отлично“, которое, говоря по совести, не заслужил». *(Дневник, 17 января 1970 года).*

«Одна из самых моих больших удач за эти полгода – знакомство с книгами Кривина и Анчарова. За это я должен отблагодарить Глеба Павловского... Если рассматривать мои удачи, то это будет цепь

случайных находок (Лебедев, Писарев...). Может быть, удача – это и есть находка? Только кто кого находит: она меня или я её?». (*Дневник, 3 февраля 1970 года*).

«Я считаю удачными те дни, когда удалось хорошо поработать мозгом... Конспектирую „О любви“ Стендаля, братьев Стругацких... Очень устал, но усталость эта особого рода. Вечером ложусь спать и тороплюсь заснуть, чтобы утром вновь сесть за работу: за любимую мной работу... Чтобы научить других, я должен научить и изменить себя». (*Дневник, 4 февраля 1970 года*).

«Мастерство. Людям нравится смотреть на вещи или свойства, доведённые до предела, потому что это – возможный предмет для подражания, или просто потому, что созерцание необычного выводит за пределы трафаретного существования. Чем глубже мастерство, тем дальше от обыденного, и тем выше восхищение.

Кто-то писал, что каждый должен хотя бы раз в жизни совершить подвиг. Часто таким подвигом бывает жизнь, доведённая в какой-либо профессии или в чём-то ином до предела.

...Заканчивал читать Эдуарда Лабуаз „Принц-пудель“ (взят в библиотеке по совету Зуева), и чем меньше страниц оставалось до конца, тем тяжелее на душе. Сначала недоумевал, потом понял: Лабуаз писал о государстве-монархии, я перенёс эти идеи на государство социализма – и разница оказалась незначительной... Понятно, почему наши „самые правильные идеи“ не побеждают в буржуазном мире». (*Дневник, 6 февраля 1970 года*).

«Я повзрослел. Об этом говорит тот факт, что я стал ценить искренность, доброту и т.п., т.е. те качества, к которым ранее относился как к должному в человеке. К сожалению, это не так.

Каникулы просидел над книгами. Много узнал, кое-что понял, часто думал и иногда мечтал». (*Дневник, 11 февраля 1970 года*).

*Безжизненный, холодный слог...
Страстей унылых прозябанье
В себя включил он так, как смог,
А смог: закутав всё в мечтанье.
...Он думал, уходя от жизни,
Себя от смерти уберечь.
Гордясь собой, забыв Отчизну,
Он восхвалял мерцанье свеч,
И жалкий мир игры любовной,
Природы зрстную красу
И руки женщин бездуховных,
Что коченели на ветру...
Его уж нет. Забыт людьми,
Чей быт ему был лишь забавен,
Он растворился в далах тьмы,
Поэт элиты – Северянин.*

«Два года борьбы, которую я вёл, показали, что невозможны прогрессивные изменения в пределах изжившей себя системы. Взять хотя бы комсомольскую линию на факультете. Везде сейчас занимают посты те люди, в выборе которых я принимал самое деятельное участие. А что толку?!». (*Дневник, 11 февраля 1970 года*).

Однажды меня поразили слова Корнелия Тацита о том, что «лекарства действуют медленнее, чем болезнь», – с тех пор я стал рассматривать науку как нечто, обязанное создавать новые, эффективные лекарства для человечества. Определяющую роль в этом должны были играть история, философия и социология.

Мне нравилось бродить по чужим душам – и анкетирование, которым я занимался время от времени, было своеобразным итогом таких путешествий, – а также фундаментом для изучения моего современника. В результате из тридцати анкет сложился усредненный тип личности со следующими ценностными ориентациями:

Выдержки из социологических анкет:

Вопрос. – Отношение к общественной деятельности?

Ответ. – Это – для идеалистов и карьеристов.

Вопрос. – Отношение к родителям?

Ответы. – Люблю, но не уважаю – разные взгляды. Поэтому и любовь – вымученная и искалеченная.

– Благодарное и скептическое. Помогли материально достичь моих целей, но сами этих целей не понимают.

Вопрос. – Кем мечтала быть в школе?

Ответ. – Быть умной.

Вопрос. – Ваше представление о любви?

Ответы. – Это большая несправедливость одного относительно другого. Один всегда раб другого.

– Самое необходимое в жизни чувство.

Вопрос. – Есть ли друзья? Зачем они тебе?

Ответ. – Есть. Без них трудно избавиться иногда от самой себя.

Вопрос. – Что такое счастье?

Ответы. – Это когда человек не нуждается в определении этого понятия.

– Это – покой в обыденности и беспокойство души.

Вопрос. – Что нравится в других людях?

Ответ. – Излучение тепла.

Вопрос. – Ваш любимый книжный герой?

Ответы: – Остап Бендер. Идеал мужчины.

– Атос из «Трёх мушкетёров».

– Женщины-декабристки.

– Человек у Паустовского.

Вопрос. – Что такое Родина?

Ответ. – Наиболее остро ощущаю её, когда слышу песни военных лет. Мера патриотизма определяет степень порядочности человека.

Вопрос. – В чём смысл твоей жизни?

Ответ. – Получать удовлетворение от тобой сделанного.

– Для отдельного индивидуума нет. Объективно – продолжение рода.

Вопрос. – Ваше представление о своём будущем?

Ответ. – Легко мне не будет. И зависит оно не от меня.

«В „идеальной“ любви есть какая-то воздушная сладость: сидишь за столом и думаешь, что недалеко от тебя живёт девушка, которой ты нравишься и с которой в любое время – хоть сейчас – можешь познакомиться. И на душе становится легко». (*Дневник, 17 февраля 1970 года*).

«В 3 часа началось заседание кружка социологии. Вместо 8 человек, назначенных мной к выступлению, присутствовало только трое. Первым выступил Костя Ильницкий: чувствовалось, что доклад не совсем понятен и для него самого. Дискуссии не получилось, поскольку никто в этой области подкован не был. ...

Интересная черта у интеллигентов – людей умственного труда. Почти все они склонны мудрствовать, и редко кто решается перейти от слов к делу. Возможно, потому, что они уверенней чувствуют себя в знакомой области теоретических словопрений. Совмещение теории с практикой – вот золотая середина, по которой проходит стержень прогресса». (*Дневник, 19 февраля 1970 года*).

Одессит Константин Алексеевич Ильницкий родился 31 января 1951 года. Его отец работал заместителем прокурора Одесской области, мать умерла во время родов. Младшая Костина сестра Света ко времени нашего знакомства переехала на постоянное местожительство в Ленинград, к своей тёте.

«Только что смотрел по телевизору выступление Васи Попкова, читавшего свои стихи. Большое видится издали, поэтому я только сейчас осознал: Вася очень талантлив и у него большое будущее.

Кроме меня, в комнате сидели и смотрели на выступление Васи несколько его однокурсников. Я исподтишка наблюдал за ними: одни завидовали, другие восторгались, третьи просто принимали к сведению: но никто не остался равнодушным. А мне было радостно за Васю и немножко тревожно: сможет ли он выдержать ту нагрузку чувств, которую предъявляет время к слову „поэт“...». (*Дневник, 22 февраля 1970 года*).

Я публиковал Васины стихи в факультетской газете «Историю»; одно из них сохранилось в моих архивах:

ПОЭЗИЯ

*Изваянная взмахом столькож рук
вне взглядов установленных на вещи
безжалостно готовая к добру
поэзия пророчествует вещи.*

Бывает, предрекания поправ,
мы начинаем понимать то счастье
вдруг потрясти правдивейшей из правд
при этом не встречая соучастья.

И различать через метельный вступе
кандальный гул — за вдохновенье почесть, —
и памятником мрака Шлиссельбург
и памятником зла густые ночи.

И не довольно ли хулить?
И не довольно ли решеток,
Дантесов, плетей и чахоток,
степей, Сибирей и Чукоток,
чтобы ПОЭЗИЮ убить!?

И под ножами гильотины
В бессильной муке сердце билось,
И прежде чем крови рубины
разбрызгались по мостовой
хрипела: «Громче митральезы!
Ещё горячей куй железо!»
Но оборвалась Марсельеза
над коммунарской стеной.

Её кололи и стреляли,
пофали, вешали, сжигали,
её боялись и не знали,
что их старательность пуста.
Она от пули оседала
и слепо рыхлый снег хватала,
и даже будто угасала,
чтобы стремительней встать!

И окрылённая декретом
вновь прокричав: «Вся власть Советам!»
она рыдания при этом
была не в силах удерживать.
И флагом широко махала.
Но зачидили вдруг Дахау,
и в громовое пыханье
она ушла, чтоб побеждать...

О, вдохновеньем одержимость!
К чертям швыряя мод ужимки
вдруг ошалелою пружиной
свято рванулась муза в нас.
Подчас пылающее крамольна
и музыкой, ночами, морем,
любовью, ненавистью, болью
поэзия разорвалась!

И постигая тонкости пера
порой мы забываем совершенно
что в том и есть прямое совершенство,
как потрясать правдивейшей из правд!

«Болезнь свою обнаружил ещё вчера – воспаление за левым ухом, – очень перепугался, так как в этом районе расположены нервы уха и мозжечка. Натянув на голову шапку, пролежал весь вечер в постели, мрачно размышляя о том, каким будет моё будущее и не состоит ли оно из одних болезней. Задумай я написать свою биографию, то название готово: „История моих заболеваний“...»

В обычной жизни необыкновенные люди слывут чудаками, но для необыкновенных условий нужны только необыкновенные люди. Каждый из нас живёт в каком-то измерении и меряет по своему подобию всё окружающее...

Я ещё не знаю своей дороги. Куда идти? Философия, литература, социология? Всё заманчивое, обещающее, но сколько и для чего? Я не хотел бы жить только для себя, потому что тогда зачем я? Хочется создать нечто новое, что заставило бы всех по-другому посмотреть на мир (именно: на мир, а не на меня).

А пока что нужно учиться, учиться и учиться. Учиться всему, учиться у всех». (*Дневник, 3 марта 1970 года*).

(...)

Праздники никто из нас принципиально не праздновал, не желая пополнять послушные ряды обывателей, живущих свою жизнь по предписанной «сверху» программе. В праздники мы работали больше, чем в обычные «трудовые» дни.

В последний день Старого года я обычно подытоживал его, отмечая свои успехи, неудачи и планы на будущее.

«Уже сейчас можно сказать, что этот год был решающим в моём развитии; он дал мне направление, ради которого я собираюсь жить, и, если потребуется, умереть. Неопенимую помощь оказали мне Глеб и Игорь. Они поддержали, может быть, даже незаметно для себя, моё желание стать человеком, указывали выход из тупиков, снабжали книгами, объясняли некоторые ошибки.

Где-то с начала октября в моём развитии произошёл качественный скачок. Условно его можно отметить тем днём, когда я прочел „Наброски к методу“.

Громадный толчок – разрыв с газетой, выход из системы. Пожалуй, так и можно объяснить мой качественный сдвиг – я вышел из системы, я отказался (пусть даже внутренне) быть элементом, деталью социальной машины.

Путь вроде бы найден. Это – борьба, борьба за человека, за человеческое, за Жизнь». (*Дневник, 31 декабря 1970 года*).

Игнорирование праздников – ребяческий протест против государственных предписаний, обязывавших веселиться. Я понимал это – как и то, что моё отношение к чему-то не касается моих студенческих друзей и родственников, – и я поздравлял их с праздниками, желал счастья, здоровья, или отправлял послания, подобные тому, которое получили от меня мои подруги-«филологини»: Людя К. и Алла Чуприна.

*Две девушки:
Людя и Алла,
II Новый год –
Год, в котором
Всё будет по старому.
А может быть, и нет...
Ведь это
Зависит от девушек,
А не от года.*

На факультете шла сдача зачётов. Серьёзнее всех к учёбе относились Игорь и Костя: я готовился один день, а Глеб, наловчившийся сдавать сессию с помощью учебников за пазухой и пшаргалок в кармане, вообще не обращал на учёбу никакого внимания.

«После третьей пары решали вчетвером, как быть с Игорем. Костя и Глеб высказались против усиления склоки, против шумихи. После долгого спора была принята их точка зрения, тем более, что её поддержал Гена Тошев. Я уступил, чувствуя, что в общем моя цель сейчас – не спасение Игоря, а удар по Храмченко.

Потом я пошёл к Косте, он угощал меня обедом, я его – разговорами. Рассказал о своей теории общения, потом взял с него анкету. Костя прочел мне два своих стихика, я ответил ему тем же. Костя говорил, что он сейчас ничего не может делать, что те эмоции, которые у него ещё остались, не нужны ему в жизни, он не может их применить. Главное для него – найти Дело, стать его воплощением, чтобы было что сказать людям. Когда он говорит „от чего-то“ – он может говорить и действовать, когда говорит от себя – ничего не может сказать, слякотное ощущение, вместо себя чувствует пустое место.

У Кости нет никаких ощущений, он даже боли не может почувствовать. Костя попросил меня сделать ему больно. Я невольно посмотрел на его оголённую шею с кадыком, на приподнятый подбородок. Удар ребром ладони, и Костя целый вечер будет размышлять, за что я его ударил. Встряска... Я опомнился, мысленно представил себе всю эту трагедию – и мне стало противно. Ударить человека! Жалости я не ощущал, я вообще никого не жалею, включая и себя, просто стало противно, и я отказался, как ни упрашивал меня Костя». (*Дневник, 5 января 1970 года*).

Костя жил тогда где-то в районе парка им. Шевченко, в тёмных, уставленных мебелью, комнатах. Я давно не видел такую, в общем, довольно роскошную квартиру, но ощущение от неё было почему-то столь же неприятным, как от «хаты» Игоря. Мне подумалось, что единственное, что может заставить себя сделать житель таких комнат – это смотреть телевизор и слушать музыку (чем, кстати, и увлекалась Костина сводная сестра Лена) – но Костя выходил за пределы подобного определения, и это казалось самым удивительным.

Взятая у Кости социологическая анкета:

«Вопрос. – Твоё отношение к общественной деятельности?

Костя. – Отрицательное, не воодушевляют цели.

Вопрос. – Отношение к родителям?

Костя. – Не уважаю, принимаю как должное их заботу.

Вопрос. – Кем ты хотел стать в школе?

Костя. – Журналистом, ибо любил сочинять и путешествовать (2/3 правды).

Вопрос. – Твоё представление о смысле жизни?

Костя. – Каждый человек находит сам себе смысл (и ему в этом помогают). Я не нашёл.

Вопрос. – Твой любимый писатель, поэт в школе?

Костя. – Маяковский, Достоевский и т.д., и всё (1/2 правды). Я их уважаю больше.

Вопрос. – Любимый писатель, поэт сейчас?

Костя. – То же самое.

Вопрос. – Какие качества в человеке ты ценишь?

Костя. – Человечность, фанатизм и всё острое и тонкое, в превосходной степени. Сильное, яркое, нюансы.

Вопрос. – Что в человеке ненавидишь?

Костя. – Понятие мне чуждое. Оно не посещает меня больше одного раза в 20-30 лет.

Вопрос. – Какие качества в человеке не ценишь?

Костя. – Слабость (не всякую).

Вопрос. – У тебя есть друзья? Много?

Костя. – Нет. И много (юмор). 1/2 правды.

Вопрос. – Что ты считаешь главным в жизни?

Костя. – Деятельность, и побешенней.

Вопрос. – Твоё отношение к долгу?

Костя. – Серьёзное, но пока нет приличных долгов.

Вопрос. – Твоё отношение к морали?

Костя. – Поскольку она меня устраивает, но вообще я „слишком воспитанный“.

Вопрос. – Твоё отношение к патриотизму?

Костя. – Я патриот.

Вопрос. – Что такое дружба?

Костя. – Что-то очень хорошее и близкое между людьми.

Вопрос. – Твоя цель в жизни?

Костя. – Найти себе Дело, Занятие, Цель и Смысл.

Вопрос. – Что такое в твоём представлении „родина“?

Костя. – СССР. Не ощущал.

Вопрос. – Что такое в твоём представлении „народ“?

Костя. – Или масса, или люди по „кусочкам“.

Вопрос. – Что такое в твоём представлении „интеллигент“?

Костя. – Колеблющийся, хныкающий, но образованный и страдающий от образования человек (это не о всех, но о значительной части).

Вопрос. – Что такое в твоём представлении „партия“?

Костя. – Авангард пролетариата, во многом обанкротившийся, но ещё боевой и ведущий. Необходим лишь для социализма.

Вопрос. – Твоё представление о комсомоле?

Костя. – Несерьёзно, хотя и серьёзно (всё-таки, помимо „ха-ха“, движет людей).

Вопрос. – Твоё представление о счастье?

Костя. – Любовь, тончайшая в проявлениях, и борьба самая бешенная (не драка, конечно).

Вопрос. – Тебе нравится окружающая тебя действительность?

Костя. – Во все стороны эмоций, но приглушённо (и да, и нет).

Вопрос. – Что не нравится в действительности?

Костя. – Основные известные безобразия, но приглушённо очень, ибо меня мало трогают непосредственно.

Вопрос. – Какие пути к изменению действительности ты видишь?

Костя. – Для всех – не вижу.

Вопрос. – Что такое любовь?

Костя. – Сказка и чудо (не мять, не рвать, не топтать, не запачкать и т.д.).

Вопрос. – Почему ты пошёл на истфак?

Костя. – Больше было некуда, ибо направление гуманитарное общее мне виделось.

Вопрос. – Ты доволен истфаком?

Костя. – Нет.

Вопрос. – А историей?

Костя. – История нравится, как кладёз закономерностей и анекдотов.

Вопрос. – Твоё представление о своём будущем?

Костя. – Великий теоретик и вождь чёрт его знает какого движения. Счастливый человек. Любимый.

Вопрос. – Зачем ты живёшь?

Костя. – Потому, что народили (и образовали).

Вопрос. – Кем бы ты хотел работать?

Костя. – Вольным революционером, но можно и сыном миллионера.

Вопрос. – Твой идеал жены?

Костя. – Любимая и любящая.

Вопрос. – Твой идеал семьи?

Костя. – Не надо.

Вопрос. – Твой идеал работы?

Костя. – До сумасшествия.

Вопрос. – Твой любимый книжный или жизненный герой?

Костя. – Когда Маркс, когда Ленин (меньше), на меньше (!) не согласен.

Вопрос. – Твоё представление о самом себе?

Костя. – Слабоволен, расхлябан, ленив, без больших чувств, стремлений, желаний (кроме того, чтобы их иметь) и т.д., но пока не без способностей.

Вопрос. – Если бы тебе сказали: „Назови три свои самые заветные желания, и они исполнятся“, то, что бы ты назвал?

Костя. – а/ любовь (можно взаимную, даже нужно), б/ работу, деятельность; в/ идею, веру, волю, цель. Всё максимально сильное.

Вопрос. – Твоё отношение к девушкам?

Костя. – Все они „жду“ . Я тоже „жду“, мне пока нечего „сказать людям“». (Записи), 4 января 1971 года.

После того, как ребята отказались принять Олю в Сид, она отошла от нас, углубившись в общение, стихи, работу. Её развитие шло иным, чем у нас, путём, но она явно развивалась в направлении каких-то своих сложных идеалов. Я часто встречался с ней на факультете: мы важно беседовали о разнообразных космическо-бытовых проблемах, хохотали, читали друг другу стихи. О Сиде не упоминали – Олю явно обидел наш отказ, и я её вполне понимал.

На следующий день после посещения Кости я, уже собираясь уходить с факультета, наткнулся на втором этаже на Олю, и предложил ей ответить на ряд вопросов. Мы уселись на большой круглый стол около кафедры философии и стали по очереди записывать на бумагу вопросы и ответы.

«Вопрос. – Твоё отношение к общественной деятельности?

Оля. – Если общественные нагрузки, надо выполнять. Если дело за проявлением моей личной активности:

1. А надо ли это обществу?

2. А надо ли это мне?

3. Что мы с этого иметь будем?

Вопрос. – Твой любимый писатель, поэт в школе?

Оля. – Начальная: Андерсон, Родари, В. Осеева, А. Барто, Михалков, Маяковский, Чуковский, Эжюпери. Средняя: Н. Островский, Л. Толстой, М. Горький, А. Моруа, Войнич, Лондон, Лорка, Неруда, Симонов, Шекспир. Все, кто про войну писали.

Вопрос. – Твой любимый поэт, писатель сейчас?

Оля. – Маяковский, Саша Чёрный, Лорка, Горький, Чехов, Л. Толстой.

Вопрос. – Твоё отношение к родителям?

Оля. – Ну, они же – родители! Люблю. Верю. Уважаю. И вообще – иди ты...

Вопрос. – Что ты считаешь главным в жизни?

Оля. – Человек – цель. Правда. Труд.

Вопрос. – Какие качества в человеке ты ценишь и любишь?

Оля. – Честность. Знания. Любовь к людям. Непосредственность. То, что мы имеем под понятием „воспитанность“.

Вопрос. – Что в человеке не любишь?

Оля. – Лицемерие. Лень духовную. Если собак не любят. Равнодушие.

Вопрос. – У тебя есть друзья? Много?

Оля. – Да. Мало.

Вопрос. – Зачем тебе друзья?

Оля. – Чтобы не озвереть. Зачем мне друзья... Нужны!

Вопрос. – Что такое дружба?

Оля. – Знакомый – это тот, кто придёт, когда я позову. Друг – тот, который знает, когда нужно придти, и делает это сам.

Вопрос. – Кем ты мечтала стать в школе?

Оля. – Историком-учителем.

Вопрос. – Твоё представление о смысле жизни?

Оля. – Брат, брат, чтобы потом дать (уже скоро.)

Вопрос. – Тебе нравится истфак?

Оля. – Мне люди на истфаке нравятся. Некоторые.

Вопрос. – Кем бы ты хотела работать?

Оля. – Мультипликатором. Искусствоведом. А вообще, я ещё не знаю, как это называется.

Вопрос. – Твоё представление о своём будущем?

Оля. – Самое радужное. А вообще-то я меланхолик...

Вопрос. – Счастье – что такое?

Оля. – Счастье... трудно с ним. Без него – ещё хуже. Никогда не терять себя. Иметь друзей и врагов. Быть любимой и любить. Жить. Читать, жить... Творить, создавать. Труд.

Вопрос. – Твоя цель в жизни?

Оля. – Учиться, узнавать, путешествовать.

Вопрос. – Твоё представление о любви?

Оля. – Счастливая любовь – обоюдная. Но так не бывает, кто-то один – ошибается или лжёт. Наиболее яркая, настоящая – неразделенная любовь. И, может быть, только это и есть любовь. А другие варианты называются как-то иначе.

Вопрос. – Тебе нравится окружающая тебя действительность?

Оля. – Это надо как-то конкретизировать. Я подумаю... Я её принимаю или не принимаю (по пунктикам).

Вопрос. – Твои увлечения, хобби?

Оля. – Поэзия, литература, общение, фехтование, сказки.

Вопрос. – Твой идеал работы?

Оля. – 1. Библиотека (из-за людей). 2. Одиночество. 3. Работать запоем, без регулярного специального отдыха. Работать только тогда, когда хочется.

Вопрос. – Твой идеал семьи?

Оля. – Основана на любви плюс демократии.

Вопрос. – Твой идеал мужа?

Оля. – Демократ: лучше левый.

Вопрос. – Твоё отношение к морали?

Оля. – Уважать её надо, общественное мнение есть же. А вообще – „хочу и буду“.

Вопрос. – Твоё отношение к долгу?

Оля. – Должное. Правильное. Долги платить нужно (лучше быстрее).

Вопрос. – Твоё отношение к патриотизму?

Оля. – Все есть патриоты. Кто нет – к стенке.

Вопрос. – Что ты понимаешь под понятием „Родина“?

Оля. – Родина. Люди. Мама. Папа. Дети. Мои дети. И всё остальное.

Вопрос. – Что ты понимаешь под понятием „народ“?

Оля. – „Я“ – частица, много „я“ – народ.

Вопрос. – Что такое „интеллигент“?

Оля. – Совокупность качеств, определяющих Человека.

Вопрос. – Что такое „партия“?

Оля. – Объединение людей, связанных общей идеей. (Зачёркнуто).

Вопрос. – Что такое комсомол?

Оля. – Помощник, друг и наследник партии. (Зачёркнуто).

Вопрос. – Если бы тебе сказали: „Скажи три свои желания, и они исполнятся“ – что бы ты сказала?

Оля. – 1. Все должны уметь быть счастливыми. 2. Ищущий – да обретёт. 3. Откройте секрет поджелудочной железы.

Вопрос. – Твоё представление о себе?

Оля. – „Быть – в казаться“.

Вопрос. – Твоё отношение ко мне?

Оля. – Самое хорошее». (Записи, 5 января 1971 года).

Оля напоминала мне девочку – маленькую, не по годам серьёзную девочку, потерянную своими родителями. Вокруг много взрослых людей, занятых трудными делами, дорожащих временем и результатом, а она ходит между ними, с любопытством разглядывая: чем же это они занимаются? Думает о чём-то, иногда произносит фразы, ясные и неожиданные, как дождь летом, разыскивает кого-то или что-то. Это и отличало её от сверстниц, живущих твёрдыми, конкретными целями, распределяющих будущее по полочкам и пятилеткам здравой мудрости и всегда знающих, что почём и в каком магазине, – хотя они, вероятно, и не были виноваты в своей обыкновенности, эти девочки, успевшие повзрослеть детьми...

«Нужно бить, бить и ещё раз бить. Хватит спокойного сознания своей возвышенности, пренебрежительного незамечания хамства и наглости „мира сего“. Мелочи, из которых капля по капле вырастает море лжи и бесчестия, в котором с привычным омерзением барахтаются люди.

Нужно научиться бить людей, бить всерьёз, не в качестве животной реакции, а обдуманно и целеустремлённо, как окружённый врагами разведчик, расстреливающий последние патроны: точно в цель, аккуратно, наверняка. Иначе мещанский девиз „Не вмешивайся!“ футляром окутывающий большую часть наших шагов по земле, превратится в привычку, в мраморную клетку, недоступную солнцу и воздуху – в клетку, где сгниют твои самые лучшие чувства и побуждения». (*Дневник, 6 января 1971 года*).

«Пригласил Свету Жеребчук на прогулку к морю. Было холодно, мы спустились вниз, к волнам. Света без умолку болтала, я шёл рядом, со скукой думая, что было время – где-то осенью второго курса, – когда я посчитал бы такую прогулку за счастье. Закончив одну тему, Света переходила к другой, и замолчала только возле пенящейся воды. Море вздымало волны, огромные, зеленовато-седые, с шумом бившиеся о берег и рассыпавшиеся по убегающим от берега каменным выступам. Попробовали постоять на этих камнях – и нас залило водой. С хохотом выскочили на берег и отправились к заинтересовавшей Свету вышке. Темнело, на белый снег легли серые тени сумерек. До вышки не дошли – замерзли, повернули назад, потом взобрались по лестнице вверх и вскоре были в общежитии...». (*Дневник, запись от 8 января 1971 года*).

«Давно я не видел святящихся девичьих глаз! А только что в разговоре со мной на меня так смотрела Света Жеребчук. Вчера она сказала, что я её лучший товарищ из мужской половины, за ночь, вероятно, решила, что могу стать и нечто большим. Как часто мы желаемое выдаём за действительное, а прошлые чувства – за настоящие, и всё это помимо своей воли. Тяга человека к лучшему, вера в лучшее. Осень второго курса – зима четвёртого... Разное время, разные люди». (*Дневник, 9 января 1971 года*).

«Нужно действовать, сражаться, и не с туманом в своей голове, а с реальным злом, которое видишь вокруг себя. Мысль о литературе, как о средстве огласки своих мыслей, оставить нельзя. Какую отрасль выбрать – ещё неизвестно. Критика – самая действенная штука, но там меня выгонят с работы после первых статей. Да и кто ещё согласится их напечатать?! Поэзия? Можно было бы попробовать, но очень трудно будет пробиться сквозь толпу патентованных рифмоплётов, растеряешь себя в мелочах по дороге и дальше лирико-гражданственного красноречия не пойдёшь.

Маркс и Энгельс – мои главные учителя. Отвернувшись, смотрят они со стены на своего нерадивого ученика, не могущего осилить их «Ранние произведения».

Великолепные слова Чернышевского: «Не правда существует для государства, а государство для правды!». (*Дневник, 10 января 1971 года*).

«Приходил пьяный и веселый Витя Глебов. Он получил пятерку на экзамене, а потом встретил комсомольских „божков“ города, кушили закуску и водку, и пошли пить в обком комсомола. Витёк наверху блаженства, небрежно рассказывает, кто каким путём делает карьеру, и прочее. Упрекнул меня в том, что вот я бросил печать, а то бы... Ясно: если бы я продолжил комсомольскую карьеру, то место в горкоме после окончания фака было бы мне обеспечено. Плевать! Страшно другое: мне не нравятся ни Игорь, ни Глеб, ни Костя. Игорь уже разрабатывает планы, как остаться при экономическом институте работать социологом, потому что на карьере учёного ему наплевать, этим пусть занимаются Глеб и Костя. Дело с комсомольским билетом Игорь считает поражением, он теперь махнул на всё рукой и ничего не хочет делать. Откуда-то, помимо меня и Тошцева, он узнал, что Х. – добровольный осведомитель органов, и теперь боится с ним связываться.

Возникает интересная ситуация, которую можно озаглавить как распад нашего Дела. Каждый начинает думать о себе, о своём будущем, и сегодняшний день начинает планировать в счёт завтрашнего – повыгоднее. Если говорить о карьере, то у Игоря – социология, у Кости, Глеба и меня – кафедра филологии или работа писателя.

Неужели я ошибся в ребятах?! Неужели вся их революционность – только слова?! Во всяком случае, Игорь взят у меня под сомнение. Костя пока бездельничает, а Глеб пожинает новые лавры за старые победы.

С ребятами нужно будет поговорить. Учитывать нужно всё: и вечное „я“ Игоря, и замечания Кости о том, что мы боимся, что кто-то из нас перегонит в чём-то другого, и усиленный интерес Глеба к кружку, философскому клубу и Маццоку». *(Дневник, 14 января 1971 года).*

Я ошибался, пророча Виктору Глебову карьеру комсомольского работника: после окончания аспирантуры он защитил кандидатскую диссертацию и превратился в учёного-международника, а позже стал деканом факультета международных отношений Одесского национального университета.

«Ребята усиленно правеют. Игоря трудно узнать, весь его фанатизм куда-то испарился, сейчас это обычный, немного странный чудак. Глеб хвастается, что Мацок приглашал его участвовать в телевизионной передаче „Будущее человека“... Костя не хочет даже вести разговоры на тему о Деле, потому что выводов никаких не будет, и всё уйдёт впустую». *(Дневник, 15 января 1971 года).*

Сессию мы сдавали успешно: я и Костя на – повышенную стипендию, Глеб – с четвёркой по английскому языку, доставлявшему ему всегда громадные мучения.

«Только что Володя Курбанов заявил, что уверен в том, что когда-нибудь я напишу очень хорошую книгу о жизни. Коля Червенков запротестовал: „Напишет о чем угодно, только не о реальной жизни. Голову даю наотрез“...

Читал „Огонь“ Анатолия Кузнецова. Настоящий писатель, умный, наблюдательный, но уже чувствуется гоголевский кризис: поиски героя в царстве мёртвых душ». *(Дневник, 19 января 1971 года).*

«Судьба поэта – не мудрое уважение и восхищенное почитание, а бытие осеннего листика, гонимого холодным ветром. Чудо приходит только к тому, кто верит в чудеса. Человек строит стены, нагромождает камень на камень, и живёт за этой стеной, стоящей между ним и миром»¹.

¹ Отсылаем заинтересованного читателя к полному тексту романа: Вячеслав Килеса, «СИД». – Симферополь, Издательство «Бизнес-Информ», 2008. *(Ред.)*